

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ИМПЕРАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Пенцэ Ван

wang.pengjie@rau.am

*Соискатель кафедры русского языка и профессиональной коммуникации,
Российско-Армянский (Славянский) университет,
Ереван, Республика Армения*

Карен Суренович Акопян

 [ORCID: 0000-0002-4933-2933](https://orcid.org/0000-0002-4933-2933)

SPIN-код: [8448-6514](https://orcid.org/0000-0002-4933-2933), AuthorID: 915034

karen.hakobyan@rau.am

*К.ф.н., доцент, профессор,
Зав. кафедрой русского языка и профессиональной коммуникации,
Российско-Армянский (Славянский) университет,
Ереван, Республика Армения;
Доцент кафедры русского языка №5 Института русского языка,
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Москва, Россия*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена истории изучения императивных предложений в русском языке. Рассматриваются ключевые этапы развития научной мысли – от анализа формально-грамматических характеристик повелительного наклонения и роли интонации до функционально-семантических и прагматических интерпретаций, связанных с теорией речевых актов и типологическими исследованиями. Подчеркивается многозначность и многоуровневость императива, его взаимо-

действие с контекстом, видовыми формами глагола и отрицанием. Отдельное внимание уделяется типологии императива и современным межъязыковым исследованиям. Делается вывод о том, что императивные конструкции представляют собой особый тип речевого акта, обладающий широкой вариативностью и значительным потенциалом для дальнейших лингвистических изысканий.

Ключевые слова: императив, повелительное наклонение, побудительные предложения, теория речевых актов, типология, русский язык.

Императив – одно из самых сложных и многоаспектных явлений в русском языке. Хотя специалисты вновь и вновь возвращались к его изучению, но до сих пор нельзя сказать, что вопрос окончательно решён.

С начала XX века русисты изучали глагольный императив, т.е. глаголы в форме повелительного наклонения. Основным объектом исследования являлась императивная структура глаголов и их функции. Термины, используемые в литературе, разные. Например, «повелительное наклонение», «побудительное наклонение», «императив» (первый термин обычно используется в морфологии, второй – в синтаксисе, а третий безразличен к их дифференциации, однако его предпочитают часто использовать в широком смысле, акцентируя внимание на семантике), есть также такие выражения, как «приказ», «приказание», «предписание» и др. (что переводит вопрос в плоскость теории речевых актов).

Существуют разные подходы и к решению вопроса о критериях классификации императивных предложений. Так, например, А.М. Пешковский, автор блестящего научного труда «Русский синтаксис в научном освещении» (первое издание – 1914г.), считал, что контекст, модальная частица и особенно интонация играют очень важную роль «для внесения побудительного смысла» [15: 351], и он выделял в повелительном наклонении восемь специальных оттенков значения: «простое

побуждение», «просьбу», «мольбу», «позволение», «увещание», «предостережение», «приказание», «шутливое или ироническое побуждение»:

«простое побуждение: *Ну что? Ну, рассказывайте*: что и как там? (Гог.) *Представьте* себе, любезные читатели, человека полного, высокого, лет семидесяти... (Тург.)

просьба: ... если ты меня любишь, *сбегай* туда поскорей и *положи* вот это кольцо в дупло... (Пушкин.) *Ах, няня, сделай* одолженье... / Но видишь... *Ах! Не откажи*... (Он же.)

мольба: *Спасите* меня! *Возьмите* меня! *Дайте* мне тройку быстрых, как вихрь, коней!.. Матушка, *спаси* твоего бедного сына! (Гог.) Папенька, не *губите* меня, я не люблю князя, я не хочу быть его женой. *Не губите* меня, – повторяла бедная Маша, – ... не *принуждайте* меня, я не хочу идти замуж... (Пушкин.)

позволение: ...*По шкурке, так и быть, возьмите*; / *A* большие их не *троньте* волоском. (Крылов.) Круглова. *Много очень воли ты забрала.* Агния. *Заприте*. (Островский., Не всё коту масленица.)

увещание: *Не плачь* дитя, *не плачь* напрасно... (Лермонтов.) Свет ты мой! *Послушай* меня, старика, *напиши* этому разбойнику, что ты пошумил, что у нас и денег-то таких не водится... *скажи*, что тебе родители крепко-накрепко заказали не играть. (Пушкин.)

предостережение: ... да *смотри* же, чтоб никто тебя не видел. (Пушкин.) *Берегись!* – сказал Казбеку/ Седовласый Шат. (Лермонтов.)

приказание: *Полно врать*, – прервал я строго, – *подавай* сюда деньги или я тебя взашей прогоню. (Пушкин.) *Ну, ребята, – сказал комендант, – теперь отворяй* ворота, *бей* в барабан... (Он же.)

шутливое или ироническое побуждение: *Шутите, шутите!* А вы думаете, мне без борьбы досталось это уважение? (Островский.) Круглова. *Много очень воли ты забрала.* Агния. *Заприте.* Круглова. *Болтай еще!* (Он же.)» [15: 188–189].

Чрезвычайно интересны наблюдения В.В. Виноградова относительно происхождения, структуры и семантики повелительного наклонения. В своем фундаментальном труде «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» (1947г.) он указывал на яркие черты агглютинативного строя повелительного наклонения, в том числе в аналитических формах 3-его лица, на органическую принадлежность этому наклонению особой интонации и на многообразные семантические оттенки императивности, выражаемые формами данного наклонения. «Повелительное наклонение, выражая волю говорящего, побуждающую собеседника стать производителем, субъектом какого-нибудь действия [фактически, здесь В.В. Виноградовым описан такой тип иллоктивного речевого акта, как директив – примеч. *наше*, П.В. и К.А.], принадлежит к эмоционально-волевому языку и характеризуется особой интонацией. Эта интонация сама по себе может превратить любое слово в выражение приказания. <...> Вне этой интонации повелительного наклонения не существует» [5: 479]. «...в форме повелительного наклонения при употреблении ее не со значением 2-го лица преобладают модальные оттенки пожелания, заклинания, допущения, долженствования. <...> Здесь происходит как бы перенос формы повелительного наклонения в сферу значений наклонения желательного. С исторической точки зрения, может быть, было бы правильнее видеть в таком употреблении формы повелительного наклонения следы и пережитки ее древних значений, связанные с происхождением из оптатива (желательного наклонения)» [там же: 481]. «Побуждение к действию, адресованному 3-му лицу, к объекту речи, всегда содержит в себе экспрессивные оттенки допущения, разрешения, запрета или даже пожелания, выражаемые с помощью модальных частиц» [там же: 483].

Особое внимание уделяет В.В. Виноградов вопросу взаимодействия императивности и порядка слов, в частности, предшествования или следования личных местоимений за глаголом в повелительном

наклонении – и отражения позиции местоимения на семантических оттенках императивности. Дело в том, что личные местоимения, присоединяясь к формам императива, выражают различия в его экспрессивных оттенках. Предшествуя форме повелительного наклонения, местоимения усиливают категоричность приказания, совета или побуждения; следуя за глаголом в форме повелительного наклонения, смягчают тон приказания «(если нет оттенка заклинания браны или пожелания)». Например: "*Ты у меня пикни только*" (Островский, "Бедность не покор"); "*А вы лучше признайтесь чистосердечно*" (Сологуб, "Мелкий бес"); "*Не сокрушиай ты меня, старуху*" (Тургенев, "Дворянское гнездо"); "*Матушка, Марья Васильевна, заступитесь, пощадите хоть вы*" (Тургенев, "Однодворец Овсяников") [там же: 484].

Кроме того, с семантической точки зрения важным является вопрос видовых различий глагольных форм в повелительном наклонении, которые также служат средством выражения экспрессивных оттенков. С одной стороны, «императив несовершенного вида более конкретен. В нем волевой акт прямее и непосредственнее направлен на самый процесс. *"Нет, уж я теперь каждый кустик огляжу. – Оглядывайте"* (Островский, "Воспитанница"). Поэтому обычно повелительное наклонение несовершенного вида выражает волеизъявление в более прямой, фамильярной форме, чем императив совершенного вида. Формы несовершенного вида выражают или немедленность исполнения требования, или решительность требования. Просьба же или приказание, выраженные формой повелительного наклонения совершенного вида, большей частью представляются менее произвольными и вследствие этого более мягкими. Экспрессивная окраска императива несовершенного вида видна в таких примерах: "*Эй ты, эфиопская рожа! – закричал он. – Сейчас слезай, если не хочешь, чтобы тебя стащили в грязь*" (Тургенев, "Конец Чертопханова"); "*Одевайся, пойдем ко мне*" (Гончаров,

"Обломов"). Ср. значения форм *говори* и *скажи* ("Да *говори* же, нако-*нец*, – тебя я *спрашиваю*" – Тургенев, "Нахлебник"; ср.: *скажи*, *пожа-*луйста**); *решай задачу* и *реши задачу*; *подметай комнату* и *подмети комнатау*» [там же].

С другой стороны, экспрессивные оттенки видовых значений в формах повелительного наклонения могут резко измениться, почти до полной противоположности. «Так как в форме совершенного вида приказание направлено на результат, то при соответствующей ситуации и при соответствующем взаимоотношении лиц эта форма повелительного наклонения иногда звучит более категорично и безапелляционно как призыв к безусловному и безоговорочному исполнению.

Напротив, так как форма повелительного наклонения несовершенного вида заключает в себе приказание или убеждение сделать что-нибудь безотносительно к достижению цели, независимо от осуществления результата, то при соответствующей экспрессии она может звучать более вежливо и мягко. Например: *кланяйтесь* (ср. *поклонитесь*); *приходите к нам в гости* (ср. *придите в среду*); *садись* (ср. *сядь*) и т.п.» [там же: 485].

И наконец, автор не оставляет без внимания вопрос взаимодействия императива и отрицания, которое вносит новые смысловые и экспрессивные оттенки в систему повелительного наклонения. Собственно запрет может быть выражен лишь формой несовершенного вида с отрицанием *не*. Например: *Не ходи туда!*; "*Не пой, красавица, при мне // Ты песен Грузии печальной*" (Пушкин).

В сочетании с совершенным видом отрицательная частица *не* придает повелительному наклонению оттенок предостережения (ср.: *не па-*дай* и *не упади**; *не простужайся* и *не простудись* и т.п.). Иногда при этом присоединяются императивные "частицы": *смотри*, *смотрите*: "*Вот здесь поставь, да *не разбей смотри**" (Тургенев, "Нахлебник") [там же].

Авторы академической «Грамматики русского языка» (1952–1954гг.), основываясь на семантике грамматического значения повелительного наклонения и на повелительной интонации, выделяют следующие оттенки императива: приказание, увещевание, совет, просьбу, мольбу, «в зависимости от направленности речи» [6: 490].

В одной из ранних работ, посвященных исследованию повелительного наклонения, А.В. Немешайлова не только описывает систему форм императива, но и выделяет виды побуждения: 1) просьба, 2) получение, 3) согласие с действием, 4) разрешение, 5) простое побуждение, 6) совет, 7) приказание, 8) команда, 9) требование, 10) предложение, 11) увещевание, 12) категорическое запрещение, 13) предупреждение, 14) предостережение, 15) мольба [12: 16]. Автор не ставит своей задачей рассмотрение каждого отдельного вида побуждения, и, по всей вероятности, поэтому в ее работе нет определенных классификационных параметров, по которым можно дифференцировать указанные виды побуждения.

В статье «К вопросу о побудительных предложениях» М.Ф. Косилова выделяет «частные» значения побуждений. «Отношение между участниками императивного акта общения, отношение говорящего к действию и отношение адресата к действию – вот те три основных момента, которые оказывают влияние на характер побуждения к действию и которые вследствие этого являются причинами, обусловливающими существование разновидностей побуждения к действию, существование частных значений императива» [10: 53]. И.С. Андреева в своей диссертационной работе исследует оттенки побуждения и предлагает собственную классификацию типов побуждения: смягченное (упрашивание, мольба, просьба, убеждение); категорическое (запрещение, разрешение, требование, приказание, команда); нейтральное (приглашение, пожелание, совет, разрешение, предложение) [1: 116]. Своебразным обобщением результатов работ нескольких поколений лингвистов

стала «Грамматика современного русского литературного языка» 1970 года. В ней вместе с понятием «повелительное наклонение» вводится понятие «побудительное наклонение» как чисто синтаксическое наклонение. Собственно говоря, область исследования в Грамматике–70 простирается от лексического уровня до синтаксического. Так, например, исследуются инфинитивные предложения, выражающие значения императива (*Начать! Молчать!*), предложения без глагола (*Воды! Сюда!*), предложения сослагательного наклонения (*Ты бы отдохнул!*) и т.д. [7].

О повелительном наклонении пишут такие ученые, как И.П. Мучник [11], Н.С. Валгина [4] и др.

В конце 1970-х – в самом начале 1980-х гг. внимание ученых заостряется на иных средствах выражений побуждения, которые ранее не подвергались исследованию. Результаты исследований этого времени в основном отражаются в Грамматике–80, которая расширяет принципы определения значения императивности [16]. Фундаментальный академический труд касается, в том числе, проблем выражения контекста: исследователи приходят к выводу, что при изучении императивности, кроме синтаксических средств, следует также обратить внимание на контексты. И конечно, интонация также играет важную роль в выражении императива.

Работа В.С. Храковского и А.П. Володина «Семантика и типология императива. Русский императив» (1986г.) стала событием в истории изучения средств выражения побуждения. Авторы представили универсальную парадигму русского императива, построенную в соответствии с учением о функционально-семантических полях. Исходным положением монографии является признание за императивом особого типа речевого акта, признание апеллятивной функции императива основной его функцией (в отличие от остальных глагольных форм) и в связи с этим отрицание у императива признаков грамматической категории наклонения. Общеизвестно, что грамматическая категория наклонения

в традиции связывается, прежде всего, с точкой зрения говорящего на реальность/ирреальность сообщаемого факта. Императив же выражает не факт, а прямое волеизъявление говорящего относительно выполнения или невыполнения названного действия (а это значение не является грамматической категорией наклонения), императивная форма не является по своему содержанию ни реальной, ни ирреальной. Исходя из данных ряда работ, авторы обнаружили, что «выделяется примерно 30(!) частных значений императивных форм, которые большей частью совпадают со значениями знаменательных каузативных глаголов» и перечисляют эти значения с указанием при каждом количестве источников (из 10), которые его обозначают: «просьба (8), совет (= рекомендация, наставление) (8), приказание (7), приглашение (7), увещевание (= убеждение) (6), требование (5), разрешение (= допущение) (5), заклинание (4), предложение (4), призыв (4), согласие (4), пожелание (4), мольба (4), предупреждение (3), команда (3), распоряжение (= инструкция) (2), наказ (2), разъяснение (1), одобрение (1), привлечение внимания (1), извинение (1), привет (1), долженствование (1), невыполнимость (1), подстрекательство (1), принуждение(1), предположение (1), предостережение (1), вызов (1), упрашивание (1)» [22: 133–134].

Не совсем согласна с точкой зрения В.С. Храковского и А.П. Володина Е.А. Филатова, которая считает, что «утверждение авторов книги можно признать справедливым лишь отчасти: действительно, традиционное понимание реальности/ирреальности сообщаемого факта к императиву не имеет отношения, так как императив – это, прежде всего, форма выражения волеизъявления. Но неверной представляется мысль о том, что к содержанию императива вообще нельзя приложить понятие реальности/ирреальности. Если принимать идею <...> о двухуровневой семантической структуре императива, надо признать, что её второй уровень – уровень выражения «конкретного содержания желаемого», а

именно, действия, к которому говорящий побуждает слушающего, – характеризуется обязательной связью с категорией реальности/ирреальности, так как представляет собой действие потенциальное» [19: 43].

В работе 2002 года Е.А. Филатова предлагает свою классификацию типов побуждения. Сначала она определяет факторы, влияющие на их дифференциацию: фактор свободы, фактор интереса, фактор статуса, фактор исполнителя, фактор среды и фактор обусловленности (или дискуссионный фактор). Особое внимание уделяется фактору свободы. Согласно авторской точке зрения, с учетом фактора свободы происходит различие категорического и некатегорического побуждения: «Фактор свободы подразумевает наличие или отсутствие у адресата права свободного выбора решения – исполнять или не исполнять то, к чему его побуждают. Если такое право у адресата есть (есть свобода выбора), побуждение некатегорическое, если такого права нет – побуждение категорическое» [20: 11].

В конце 80-х гг. императив стал исследоваться в рамках теории речевых актов. Повелительные («директивные», «декларативные») речевые акты упоминаются уже в работах Дж. Остина (1962г.) [13] и Дж. Серля (1965г., 1976г.) [17; 18] и др., но именно в это время появляется ряд исследований, специально им посвященных [24]. Впрочем, «во многих из них собственно языковые данные упоминаются в минимальной степени» [8: 15].

В 90-е годы в русистике была расширена классификация семантики императива, поскольку в этот период на передний план исследований вновь выдвигается идея языка в действии, с особой ясностью выступает понимание важнейшей роли контекста в вербальном общении. Как пишет Н.Д. Арутюнова, «теория речевых актов близка к завершению (по всей вероятности, несколько поспешное замечание – П.В. и К.А.). Она дала лингвистике многое: понятие перформатива, выявившее отношения слов и дел, связанное с ним понятие локуции, иллокутивных

сил, перлокуций. Теория замкнулась. Ее метаязык закрыт, но материал не исчерпан. Теория должна быть раздвинута, и один из возможных путей ее расширения состоит в более последовательном использовании моделей действий и моделей ментальных актов в анализе речевой деятельности человека» [2: 3]. Важная роль контекста в словесном поведении, особенно в выражении императивной семантики, подчеркивается также в работе Ю.Г. Панкраца «Текст, речевой акт и их пропозициональное содержание» [14].

Собственно типологическое исследование императивности началось в русистике с представленной выше работы В.С. Храковского и А.П. Володина (1986). В течение следующих нескольких лет был опубликован сборник статей, посвященных теоретическому и практическому изучению императивных предложений в разных языках [3], а потом была издана коллективная монография [21], описывающая по единой схеме образование и употребление императивных конструкций в 23 языках.

Исследовательский бум в изучении типологии императива произошел в 2000-ые гг. (см.: 25; 26; 27; 9). Двумя фундаментальными трудами по типологии императива являются монография А.Ю. Айхенвальд «*Imperatives and commands*» (2010) [23] и монография В.Ю. Гусева «Типология императива» (2013) [8]. Особого внимания заслуживает последняя книга, в которой представлен анализ семантических, морфологических и синтаксических свойств форм и конструкций со значением императива, описание их особенностей, частотности в языках мира и ареального распределения. Материалом для изучения послужила выборка из более чем 200 языков, в том числе и из китайского.

Таким образом, императивные предложения в русском языке представляют собой сложное и многоплановое явление, изучение которого прошло путь от анализа формально-грамматических характеристик и интонационных особенностей к рассмотрению их семантической

вариативности, прагматических функций и типологических универсалий. Работы разных поколений лингвистов показали, что императив не сводится лишь к форме повелительного наклонения, а отражает широкий спектр побуждений и коммуникативных стратегий. Современные исследования, опирающиеся на теорию речевых актов и типологические подходы, рассматривают императив как особый тип речевого акта с богатым набором функционально-семантических и прагматических оттенков, что открывает перспективы для дальнейших междисциплинарных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева И.С.* Повелительное наклонение и контекст при выражении побуждения в современном русском языке. Диссертация ... к.ф.н. – Л., 1971.
2. *Арутюнова Н.Д.* От редактора. // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. – СС. 3–5.
3. *Бирюлин Л.А., Храковский В.С. (ред.)* Функционально-типологические аспекты анализа императива. – М.–Л. 1990.
4. *Валгина Н.С.* Синтаксис современного русского языка. – М.: Агар, 2000 (1-е издание – 1973г.)
5. *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). – 3-ье изд., испр. – М.: Высшая школа, 1986.
6. Грамматика русского языка. Том 1. – 2-ое изд. – М.: Изд-во АН СССР, 1960.
7. Грамматика современного русского литературного языка. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1970.
8. *Гусев В.Ю.* Типология императива. – М.: Языки славянской культуры, 2013.
9. *Добрушина Н.Р.* Императив. // Русская корпусная грамматика (2014г.) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3PErUa> (Дата обращения: 17.05.2025г.).
10. *Косилова М.Ф.* К вопросу о побудительных предложениях // Вестник МГУ. Серия VII. Филология и журналистика. – М., 1962. – № 4. – СС. 48–56.
11. *Мучник И.П.* Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. – М: Наука, 1971.
12. *Немешайлова А.В.* Повелительное наклонение в современном русском языке. АКД. – Пенза, 1961.

13. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов / Сост. и вступ. статьи И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова. Общ. ред. Б.Ю. Городецкого. — М.: Прогресс, 1989. — СС. 22–129. (Austin J.L. How to do things with words. Oxford University Press, 1962).
14. Панкрац Ю.Г. Текст, речевой акт и их пропозиционное содержание // Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного / Тезисы Международной научно-методической конференции. — М.: Изд-во МГУ, 1996.
15. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. — 5-ое изд. — Москва: Учпедгиз, 1935.
16. Русская грамматика: в 2-х тт. — М.: Наука, 1980.
17. Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов / Сост. и вступ. статьи И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова. Общ. ред. Б.Ю. Городецкого. — М.: Прогресс, 1989. — СС. 151–169 (Searle J.R. What is a speech act? — In: "Philosophy in America", ed. Max Black, London, Allen and Unwin, 1965, p. 221–239).
18. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов / Сост. и вступ. статьи И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова. Общ. ред. Б.Ю. Городецкого. — М.: Прогресс, 1989. — СС. 170–194 (Searle J.R. A classification of illocutionary acts. — In: "Language in Society", 1976, № 5, p. 1–23).
19. Филатова Е.А. Побудительные высказывания как речевые акты в современном русском языке. Диссертация ... к.ф.н. — М., 1997.
20. Филатова Е.А. Побуждение и императив: Способы выражения побуждения по-русски (материалы к спецсеминару). — М., 2002.
21. Храковский В.С. (ред.) Типология императивных конструкций. — СПб: Наука, 1992.
22. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. — Л.: Наука, 1986.
23. Aikhenvald A.Y. Imperatives and commands. — N.Y.: OUP, 2010.
24. Hamblin C.L. Imperatives. — Oxford: Blackwell, 1987.
25. van der Auwera J. et al. A cross-linguistic semantic map for imperatives // Willems D. et al. (eds.) Contrastive Analysis in Language: Identifying Linguistics Units of Comparison. — N.Y.: Palgrave MacMillan, 2004.
26. van der Auwera J., Dobrushina N., Goussev V. A cross-linguistic semantic map for imperatives // Третья зимняя типологическая школа. Материалы лекций и семинаров. — М.: РГГУ, 2002. — СС. 92–93.

27. van der Auwera J., Lejeune L. The prohibitive // Dryer M. et al. (eds.). World Atlas of Linguistic Structures. – Oxford: OUP, 2003.

ՈՒԽՍԵՐԵՆՈՒՄ ՀՐԱՄԱՅԱԿԱՆ ՆԱԽԱԴԱՍՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՈՒԽՈՒՄՆԱՄԻՐՈՒԹՅԱՆ ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ՄԱՍԻՆ

Պ. Վանգ

wang.pengjie@rau.am

Ուսուաց լեզվի և մասնագիտական հաղորդակցման ամբիոնի հայցորդ,

Ուսու-Հայկական համալսարան

Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն

Կ.Ս. Հակոբյան

 ORCID: [0000-0002-4933-2933](https://orcid.org/0000-0002-4933-2933)

SPIN-код: [8448-6514](https://spin.sciencedom.ru/authors/8448-6514), AuthorID: 915034

karen.hakobyan@rau.am

Բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ, պրոֆեսոր,

Ուսուաց լեզվի և մասնագիտական հաղորդակցման ամբիոնի վարիչ,

Ուսու-Հայկական համալսարան

Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն,

Ուսուաց լեզվի ինստիտուտի ռուսաց լեզվի թիվ 5 ամբիոնի դոցենտ,

Պատրիս Լումումբայի անվան Ուսուաստանի ժողովուրդների

բարեկամության համալսարան

Սոսկա, Ուսուաստանի Դաշնություն

ԱՍՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածը նվիրված է ուսւերենում հրամայական նախադասությունների ուսումնասիրության պատմությանը:

Ներկայացվում են զիտական մտքի զարգացման հիմնական փուլերը՝ սկսած հրամայական եղանակի ձևաբնական և քերականական հատկանիշների ու հնչերանգի դերի վերլուծությունից մինչև գործառական-իմաստաբանական և գործարանական մեկնաբանություններ, որոնք կապվում են խոսքային ակտերի տեսության և տիպարանական հետազոտությունների հետ։ Ընդգծվում է հրամայականի բազմիմաստությունն ու բազմաշերտ կառուցվածքը, որա վորհագրեցությունը համատեքստի, բայի կերպային ձևերի և ժխտման հետ։ Հատուկ ուշադրություն է դարձվում հրամայականի տիպարանությանը և ժամանակակից միջլեզվային ուսումնասիրություններին։ Եզրակացվում է, որ հրամայական կառուցվածքները խոսքային ակտի առանձնահատուկ տեսակ են՝ լայն իմաստաբանական ու գործարանական փոփոխականությամբ և հետագա լեզվաբանական ուսումնասիրությունների մեջ ներուժով։

Բանալի բառեր՝ հրամայական, հրամայական եղանակ, դրդողական նախադասություններ, խոսքային ակտերի տեսություն, տիպարանություն, ոռուերեն։

TOWARDS THE HISTORY OF THE STUDY OF IMPERATIVE SENTENCES IN THE RUSSIAN LANGUAGE

P. Wang

wang.pengjie@rau.am

*PhD Applicant at the Department of Language and Professional Communication,
Russian-Armenian University
Yerevan, Republic of Armenia*

K. Hakobyan

 [ORCID: 0000-0002-4933-2933](https://orcid.org/0000-0002-4933-2933)

SPIN-код: [8448-6514](#), AuthorID: 915034

karen.hakobyan@rau.am

*Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor,
Head of the Department of Language and Professional Communication,
Russian-Armenian University
Yerevan, Republic of Armenia;
Associate Professor of the Department of Russian Language №5,
Institute of the Russian Language,
Peoples' Friendship University of Russia after Patrice Lumumba (RUDN)
Moscow, Russian Federation*

ABSTRACT

The article explores the history of studying imperative sentences in the Russian language. It outlines the main stages of research development, starting with the analysis of formal and grammatical features of the imperative mood and the role of intonation and moving towards functional-semantic and pragmatic interpretations within the framework of speech act theory and typological studies. The paper emphasizes the polysemy and multi-layered nature of the imperative, its interaction with context, verbal aspect, and negation. Special attention is given to the typology of the imperative and contemporary cross-linguistic research. The study concludes that imperative constructions represent a specific type of speech act with wide semantic and pragmatic variability and significant potential for further linguistic investigation.

Keywords: imperative, imperative mood, directive sentences, speech act theory, typology, Russian language.

Информация о статье:

*статья поступила в редакцию 18 апреля 2025 г.,
подписана к печати в номер 15 (19) / 2025 – 25.05.2025 г.*